

Вышиванка

Виталий Засухин

— Я цыганский барон, я в цыганку влюблен!
Даже старый наш клен, знает, как я влюблен.
Знает свод голубой, знает встречный любой,
Даже старый наш клен, знает как я влюблен ...

— слышу я сквозь утренний сон голос отца, бодро напевающего куплет из известной оперетты Штрауса. Видно, что отец запомнил слова третьего куплета, а поэтому допев второй, сразу начинает напевать песенку с начала. Немного послушав, я окончательно просыпаюсь.

Ура, я дома, вчера приехал из Костромы на зимние каникулы и впереди меня ждет две недели общения с родными и близкими, друзьями-товарищами и, самое главное, мои любимые зимние прогулки с ружьем и на лыжах по тайге. Я встаю, иду на кухню и взору моему предстает столь милая и привычная картина: мама хлопочет у плиты, на столе уже гора различных, так мною любимых пирожков и шанежек, стоит невообразимый аромат свежей выпечки, батя против печки сидит на маленьком стульчике и что-то строгает, напевая при этом.

— Доброе утро!
— Доброе утро, сынок! Проснулся уже, мог бы и еще поспать, спешить тебе некуда, делать особо нечего, да и негоже с первого дня нагружать тебя делами, чай не надолго приехал.
— Да разве при таких ароматах можно спокойно спать? Мам, а с чем пирожки?
— Ну что значит, с чем? Я ж не забыла, что твои любимые с луком и яйцами, но зеленого лука сейчас нет, поэтому и печем с мясом, с рисом и рыбой, картошкой, капустой и сладкие. Да и шанежек подпекли немного. Давай, умывайся, и к столу.

— Бегу. Батя, а что ты сейчас напевал за куплеты про цыганского барона? Что-то я раньше не слышал подобного в твоём исполнении. Это же Штраус. Где ты успел запомнить эту арию?
— Да по радио и успел. У нас сейчас с матерью только одно и развлечение слушать радио, да и в кино два-три раза в неделю сходить в наш клуб. Мы как встаем с утра под гимн Советского Союза, да так до 10 утра и не выключаем

радио. Вот и слушаем все подряд: гимн, на зарядку становись, новости, про погоду и про все, что там говорят.

— А Штрауса тоже по радио запомнил?

— Штрауса, говоришь? А я и не знал, что это Штраус. А откуда он, этот Штраус, вроде как немецкая фамилия?

— Точно не знаю, но кажется он или венгр, или австриец. Больше всего оперетт там написано. А эта оперетта так и называется «Цыганский барон» Я в Костроме ходил на этот спектакль как раз, поэтому и запомнил. Там был на гастролях Горьковский театр музыкальной комедии, вот мы с Валентиной на него и попали. Но, а ты-то как запомнил куплеты?

— Э-э-э, долго рассказывать.

— Что-то непонятно мне, что значит долго рассказывать?

— А ты лучше матери спроси, — хитро улыбаясь произнес отец, — может она тебе расскажет?

— Что ты сразу на меня, возьми да расскажи сам, не я же пою «я в цыганку влюблен»! — парировала мама.

— Ладно. Вот ты знаешь, смотрю я сейчас на нашу Раздельную и думаю, а ведь раньше намного лучше было с культурой в поселке. Как это ни странно.

— Что-то уж очень издалека ты начал. Ну, и чем же было лучше?

— А хотя бы и тем, что клуб у нас был нормальный, а не как сейчас, тьфу, подводная лодка! И зрительный зал был большой, и сцена в клубе была большая, это я к тому, что выступать на ней было сподручно, и кино показывали чаще, да и вообще, - махнув рукой куда-то в сторону, сказал отец.

Здесь к слову нужно уточнить, что это был 73-й или 74-й год. Хорошего капитального клуба в поселке не было. Он был раньше, примерно построенный в конце войны и простоявший до 63-го года, около 20 лет. Поселковый клуб представлял собой длинное рубленое из бревен здание в котором располагались достаточно большой зрительный зал с кинопроекционной кабиной, просторным фойе, которое в будни служило столовой, нужно было только вынести пять-шесть столов, два класса начальной школы, в которых одновременно могли обучаться до 50 учеников (было время), далее были две квартиры по две комнаты, в одной небольшой комнате находился поселковый радиоузел, в другой побольше санчасть, и еще в одной находилась кухня с кладовой для продуктов.

Здесь одно время работала столовая для служивых, во времена существования 13-го ОЛПа. В середине 50-х 13-й закрыли и клуб тоже решено было закрыть. В это же время рядом построили шлаколитую школу, санчасть перенесли, а вместо клуба на поселок привезли старый, скорее всего списанный, но в нормальном состоянии, вагон-клуб. Ходили в приснопамятные времена по станциям такие вот передвижные «дома культуры», в основном для демонстрации кинофильмов, хотя в преддверии политических праздников могли привезти его и для проведения торжественного собрания.

Так вот этот вагон-клуб сняли с железнодорожных тележек и переместили его на некоторое удаление от путей. Вот это и стало поселковым «очагом культуры» на много лет вперед. Над крышей этого вагон-клуба возвышалась небольшая надстройка, наподобие боевой рубки на подводных лодках, что и дало насмешливое и язвительное название клубу - «подводная лодка». Зрителей там вмещалось намного меньше, чем в старый клуб, примерно 50 вместо 100, тут же разместили радиоузел и небольшую библиотеку. Вот это все и охарактеризовал кратким словом «тьфу» отец.

— Раньше, я имею в виду времена существования лагпункта, в Вятлаге была неплохая традиция проведения праздничных концертов для жителей, — начал отец. — Своих артистов было мало, поэтому выступающих приглашали из Дома культуры поселка Лесной. На День солидарности трудящихся, День Октябрьской революции и Новый год всегда с Лесного приезжали несколько артистов и выступали перед жителями. Выступления в основном состояли из фрагментов спектаклей, которые демонстрировались труппой в лесновском доме культуры.

Приезжали со своими музыкальными инструментами и сценическими костюмами. Из инструментов были, как правило, баяны, гитары, балалайки. Вот и показывали различные номера из своего репертуара. Все мы их называли сценками. Так и говорили: «Приехали из Лесного артисты и завтра будут показывать сценки». Я точно не помню, но приезжали человека по 4, может по 5-6. Концерты эти мы очень любили. Также на Раздельной были и свои артисты. Завклубом тогда была Мария Гельдт, вот она и организовывала наших поселковых женщин в хор. В хоре было человек восемь.

— А кто в хоре пел, ты помнишь?

— Это лучше мать вспомнит, она ведь тоже как-то пела с ними. Нюра, ну ка скажи нам, а кого ты помнишь из артистов раздельновских?

— А по разному было, но только сейчас на поселке и остались-то Валя Шестая, Рая Рахманина, Маруся Красикова. А остальных ты, Витя, знать не мог, поуждали они все.

— А какие песни пели?

— Да разве все упомнишь, но в основном народные: «Ночь была с ливнями, и трава в росе...», «Ой мороз, мороз...», «Катюша», да и еще какие-то. Да все вы их знаете, никуда же они, эти песни, не делись.

— А музыкальное сопровождение было?

— Было. Вот лесновские баянисты и играли. Эх, ты бы послушал, как хорошо и красиво они играли, и самое главное - любую мелодию. Им только немного напой, они тут же на баяне «пи-ли, пи-ли», и все можно начинать петь, а они подыгрывают. Вот бы ты так научился играть!

Вон Сашку Мельника Степан отдал в музыкальную школу в Лесном, так он каждый вечер летом во дворе все «Одинокую гармонь» разучивал. Интересно, выучился он играть, или нет?

— Не выучился. Бросил. Он сам мне говорил, когда в Кирове учился и к Карповой в гости приезжал. Разонравилось.

— А как в Лесном артистов хватало на все лагпункты? Ведь поселков много, а из наверно меньше?

— А их перевозили сразу после концерта с одного поселка на другой. Да и не на всех лагпунктах они выступали. Вот на 15-й они никогда не ездили, там немцы-переселенцы сами концерты устраивали. На 22-й тоже, кажется не ездили. На 16-й ездили всегда от нас. В любом случае все это зависело от начальника лагпункта. Если в лагере все было нормально, был план, не было ЧП - тогда управление и выделяло артистов. Но если уж что-то не так, то увы... Но на Раздельной концерты были постоянно.

— Конечно, Авруцкий, этот хитрожопый еврей, он любого уговорит, поэтому и были у нас всегда концерты. Вон, мамка тебе больше может рассказать, это же ее начальник был.

— А что ты начинаешь опять про Авруцкого? Хороший был мужик. Все бы такие начальники были, слова грубого от него никогда не услышишь, не говоря

уж про мат. Не то что вы, сапожники!

— Да ! Хороший! Где же он твой хороший начальник? Уехал? Или его уехали? Вот то-то и оно! Был бы хорошим, до пенсии бы доработал! А так...

— А мне жаль его. Если бы не его жена, дура Люська, может все по другому было бы.

— Что-то мы начали про Штрауса, а сейчас уж дошли до дуры Люськи и Авруцкого. Я знаю, что это был начальник лагпункта, а он-то здесь при чем, а, мам?

— Да при всем. Дадут или не дадут артистов для проведения концерта зависело от отношения лесновского начальства. Вот и ублажал как-то Авруцкий их, поэтому и была у нас культура на поселке. А Люська — это жена его, и совсем не дура, а нормальная женщина, в спецчасти работала при лагере. Вот он и допек ее своими гульками с бабами. Да и зечек не пропускал.

— Во — во! Только с этого момента поподробнее расскажи ему, ты же вроде как содействовала ему в этом, — ехидно заметил отец.

— Все! Хорош! Понял я! А то есть совсем и не понял! А Штраус-то здесь при чем? А, батя?

— Да Штраус здесь и не причем. А вот Авруцкий этот очень часто в Лесной руководству посылал то грибы, то ягоды. Я и сам иногда эти передачи возил, я же тогда работал в ЧИСе, инспектором по снабжению, и в Лесной ездил день через день. Да и на охоту когда с политотдела приезжали - постоянно у него останавливались. Вот поэтому и были у нас постоянно лучшие артисты.

А артисты в лесновском Доме культуры были известные. А какие спектакли они ставили! Как мне говорили знающие люди, судя по репертуару, не каждый областной центр имел подобный театральный коллектив. Мы когда до Раздельной жили на сельхозе раза два приезжали с матерью на праздничные концерты. Я сейчас уже забыл, как спектакли назывались, но вот «Цыганский барон» мне почему-то запомнился. А потом я и по радио не раз слушал эту постановку.

Но это не все. Не помню в каком году, но и на Раздельной в клубе показывали сцены из «Цыганского барона». Как тут не запомнишь. Вот видишь, сколько лет прошло, а помнится. А вот матери больше нравились другие спектакли, украинские. Артистки там поют в очень красивых костюмах, с веночками на голове. Блузы все вышиты узорами, в волосах ленты, на ногах у

всех сапожки хромовые. Да и сами актрисы как на подбор.

Я почти полгода прожил на Украине в 45-46-м годах, но как-то не приходилось увидеть такую одежду на женщинах в повседневной жизни. На праздники и гулянки какие женщины наряжались во все лучшее, но такой красоты, как на концертах я не видел. Мать наша тоже так хотела себе такую блузку, кстати их на Украине называют «вышиванками», что одно время стала учиться вышивке. Ньюра, лучше бы ты сама рассказала про то!

—А что тут рассказывать, было такое. Мы когда поженились и приехали на Раздельную, у меня было всего два платья: одно простенькое ситцевое, а вот другое бордовое, крепдешиновое. Дорогущее, в 46-м отец купил мне его на свадьбу в райпо в Лойно, никто его не брал из-за цены, а отец купил. Денег-то ни у кого не было, колхозники все трудоднями получали. Хорошо хоть потом мне выдали обмундирование, когда я в охране стала работать.

— А какое обмундирование выдавали женщинам?

— А почти такое же, что и мужчинам, только вместо брюк юбку и чулки. А остальное все также: шинель, шапку, берет, гимнастерку, нательную рубаху, сапоги, портянки и чулки. На зиму выдавали ватник, ватные штаны и валенки. Да, еще и ремень.

Тут следует сделать уточнение: мама с 46-го года и до начала 50-х служила в военизированной охране 13-го ОЛПа. В звании рядового.

На поселке Раздельная располагался один из лагерей Вятлага, тогда это был 13-й ОЛП - отдельный лагерный пункт №13. Был он смешанным, заключенными были и мужчины и женщины. Вот мама и работала там, а может и служила, не знаю как правильной, стрелком военизированной охраны. Женщин во взводе было человек шесть, служили наравне с мужчинами: ходили в наряды, стояли на вышке, дежурили по КПП, конвоировали заключенных. Только вот конвоировать им разрешали только заключенных женщин. На вооружении у них были карабины, это на вышке и на конвоировании, а в разъезды ей выдавали револьвер наган в кобуре.

На стрельбах, а стрельбище тогда было на 58 км ГКЖД прямо в рабочем песчаном карьере, мама показывала неплохие результаты, сказывалось умение обращаться с охотничьим оружием. До войны стрельбе ее научил старший брат

Петр. Так что командир взвода постоянно ставил ее в пример. Да и когда маме уже было больше 50 мы с ней как-то стреляли с ружья по мишени, стреляла она ничуть не хуже меня. Вот такая боевая была наша мама.

Также мама ходила на ночные дежурства в женские бараки. Женщин - сиделиц на 13-м было от 100 и до 150 человек. И вот после одного случая, когда зэки ночью пробрались с мужской на женскую половину и были обнаружены охраной, режимом было решено установить ночные дежурства в женском бараке. Барак было два, вот мама и дежурила там ночами в отдельной камере в одном из жилых барак, охраняя покой зэчек.

Мама об этом периоде жизни в детстве нам никогда не рассказывала, но, когда став повзрослей и узнав о ее службе, я уже не отставал от нее, пока она мне не ответит на все мои вопросы. Вот тогда-то мама и поведала однажды о том, как она училась вышивать у женщин с Западной Украины. В конце 40-х годов был женский этап из тех мест. После распределения на 13-м ОЛПе оставили двадцать человек. Женщины в возрасте от 20 и до 60 лет, практически все с одной местности. Срок у всех был по 58 ст., «бандеровская», за сотрудничество с УПА (украинская повстанческая армия).

А по сути все они были просто родственниками тех, кто воевал с Советской властью. Вот и выселили всех скопом со сроком от 5 и до 10 лет. Мама дежурила в бараке, где они жили и однажды увидела, как одна из женщин вечером вышивала узор на блузе. После войны порядки в зонах были достаточно демократичные и заключенным разрешалось иметь гражданскую одежду, которую они надевали в основном в выходные дни. Вот у нее мама и увидела красивую светлую блузу с вышитым узором. Ее это заинтересовало и она попросила подучить ее умению вышивать подобным образом.

Для этого маме пришлось купить в Лесном пята, это такой круглый подрамник, нитки для вышивания, иглы. Помнится из рассказов мамы слово «мулине», так назывались нитки для ручной вышивки. Так и начались мамины уроки вышивания. Времени по ночам было много, электрический свет в ее камере горел круглыми сутками, трудностей особенных не было.

— Нюра, а ты расскажи, что ты взамен им приносила. Просто так же никто не хочет ничего делать, а? - с долей иронии сказал отец, — так она и меня к

этому присовокупила.

— Ничего подобного. Они просто попросили меня купить им где-то самых обыкновенных женских трусов. Я и сама видела, в чем они ходят и что стирают. Вот и привозила им с Лесного несколько раз нижнее белье.

— Погоди, а как же ты им их передавала? За это можно было бы и попасть? — Да нет, ничего подобного. Раньше не было этого, это сейчас по рассказам могут и связь пришить. Тогда все было как-то по другому. Уже с войны прошло около пяти лет, и люди вроде как добрее стали. Женщины эти, я имею в виду «западенки», были очень незлобивые, добрые, может только по отношению ко мне, хотя власть им такие срока назначила. Они держались практически постоянно вместе и дружно давали отпор бабам-хабалкам, есть такая порода среди зэчек. В бараке они располагались в одном месте, среди них была строгая иерархия, младшие обязательно слушались старших, среди них были и родственницы.

А какие они красивые песни пели по вечерам и в выходные! Заслушаешься! Церковные праздники тогда было отмечать запрещено, но они все-равно в такие дни после работы одевали свою лучшую одежду, хранившуюся еще с воли, вот в основном-то это и были вышиванки, так нравившиеся мне, и пели песни, грустные и веселые. В это время в бараке стихало все, все сидели и слушали.

Женщины пели, иные плакали. Женских барачков было два, вот все и сходились на эти импровизированные выступления. Ведь вера у них была христианская, но не православная, а католическая. Поэтому многие песни и были у них на каком-то непонятном украинско-польском языке. Пели они изумительно, практиковали при исполнении многоголосие, иногда женщины с сильными голосами исполняли сольно. Жаль не было сопровождения.

Хотя иногда и было: женская зона отделялась от мужской одним забором с колючей проволокой по верху прямо внутри зоны. И попасть из одной части в другую при желании не составляло труда. Но за это следовало очень суровое наказание: от карцера и до перевода в другое место с более жестким режимом. Вот к этому забору и сходились зэки и зэчки по выходным и, не видя друг друга, общались «в темную».

Ведь почти все женщины были так называемыми «пропускницами», так

называлась категория заключенных перемещающихся за зоной без конвоя. И общаться с конвоируемыми у них просто не было возможности нигде. Поэтому и приходили и те, и другие общаться к этому забору, его называли и стеной плача, и стеной любви. Ведь люди там иногда и знакомились. Вот у этого забора, если позволяла погода, а это теплые весенние, летние да осенние деньки, иногда и устраивали концерты с исполнением песен.

Женщины пели с одной стороны забора, мужчины подпевали с другой стороны и подыгрывали на гармониях или гитарах. В зонах разрешалось хранение музыкальных инструментов. Вот такие дела. Вот там иногда пели и наши хохлушки, и их выступления, насколько я знаю, были желаннее всех среди заключенных.

— Нюра, а ведь про трусы да лифчики ты так и не дорассказала. Даже я как-то с Лесного тоже привозил ей это добро. Как же это все передавала им?

— А чего там рассказывать, отвозила им прямо на погрузку или на лежневку. Там незаметно и отдавала. Вот и научили они меня вышивать и гладью, и крестиком. Вышивала я дома и салфетки настольные, и блузу с их помощью одну вышила, а потом как-то забросила это дело.

— А Валя с Лидой вышивали, это ты их учила?

— Да. И на тех же пальцах. Но чтобы хорошо и красиво вышивать важно еще и неплохо рисовать, чтобы уметь переносить рисунок на основу, и по нему уже получать нужный узор. Вообще это дело не очень сложное, но требуется хорошее зрение, огромное терпение, и такая же усидчивость. А блуза та, моя «вышиванка», несколько лет мне прослужила, потом в сундуке лежала, а потом я ее отдала в клуб девчонкам на костюм.

— Мама, а украинки те, из лагеря, выступали в поселке? Ты так рассказывала, как они пели, неужели никогда не возникало желания у начальника лагпункта дать поселковым послушать их пение?

— Было. И не раз было. Но выступать в поселковом клубе они категорически отказывались. Пытались на них как-то давить, и умастить - бесполезно. Так и не услышал их пения никто, кроме тех, кто работал в лагере.

Я как-то спрашивала у одной, чего вы не соглашаетесь выступить, ничего ж в этом нет плохого? И знаешь что мне она ответила? - и не дожидаясь моего

«почему», мама сама и ответила, — соловей птичка очень маленькая, наверно и очень слабая, но в клетке петь никогда не будет!

— А они освободились при тебе?

— Нет. Когда лагпункт сократили, а это начало 50-х, всех женщин-заключенных этапировали куда-то в Кирово-Чепецк. Там они и досиживали. Но в начале 50-х была очень большая амнистия для таких, скорее всего по этой амнистии они все и вышли. Толя Шестак точно по такой же статье сидел и тоже в это время был амнистирован. Вот только срок у него был посерьезней: 25+5+5. Но отсидел он меньше 10, повезло ...

Мама же после ликвидации 13-го, перешла на работу экспедитором хлебобулочных изделий в этом же учреждении. Шинель она сдала старшине на склад, а все остальное обмундирование осталось у нее и долгое время хранилось дома в сундуке. И мы, малые дети, иногда просили маму одеть на себя обмундирование, чтобы посмотреть, какая у нас раньше была мама-солдат. И нам казалось, что она это делала с большим удовольствием...

PS — мамины пальца очень долго хранились в семье. Сначала на них вышивали мои старшие сестры. Позже, в начальной школе мы, ученики, под руководством нашей учительницы Карповой А А как-то делали вышивки в подарок нашим мамам на 8 марта. Как сейчас помню эту аппликацию: по центру «8 марта», а ниже «маме». Это была моя единственная попытка вышивать. Позже на эти пальца дома кто-то сел и их пришлось выбросить..

2 ноября 2021 года.